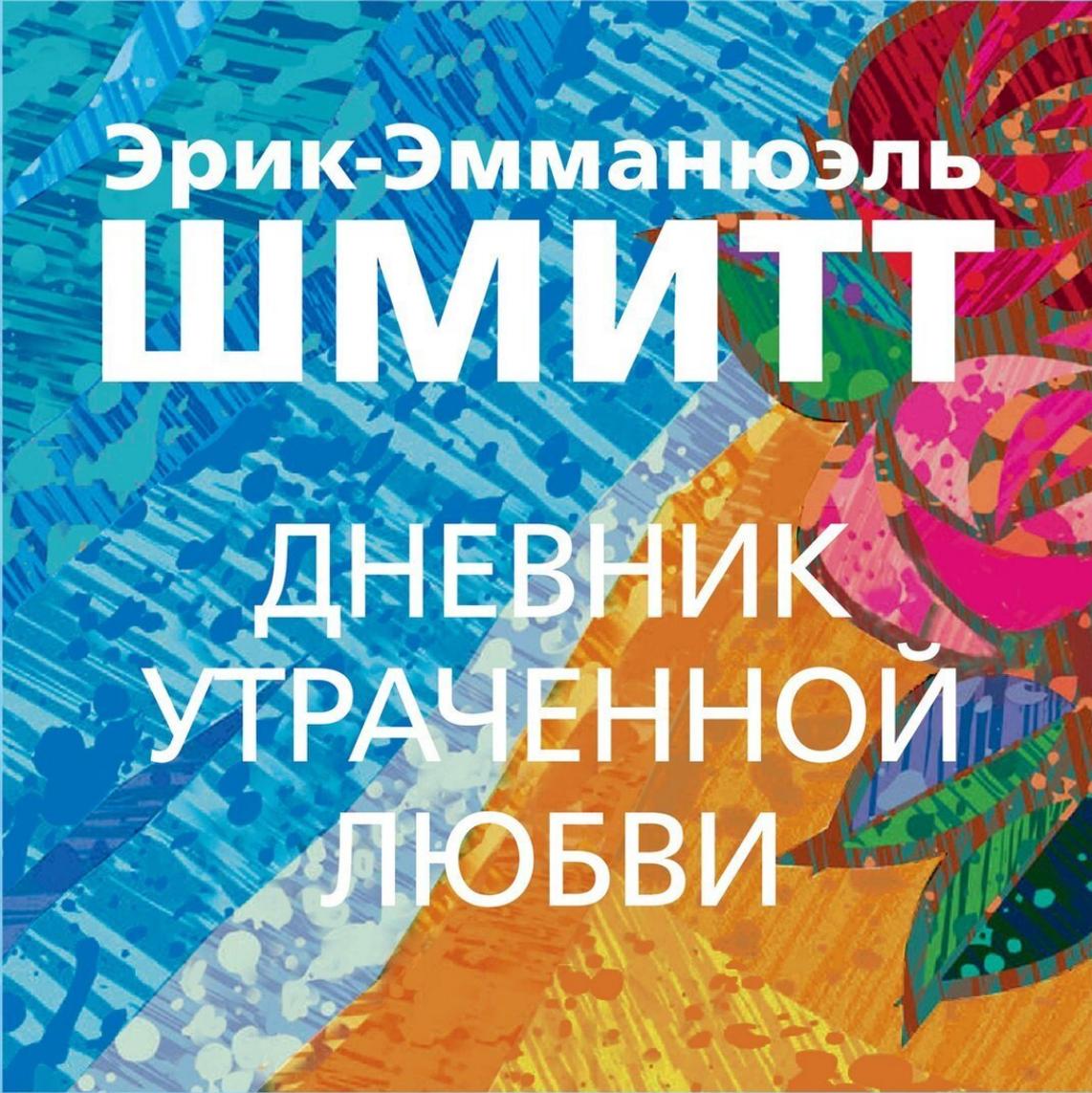

Эрик-Эмманюэль Шмитт —
мировая знаменитость, это один из самых читаемых
и играемых на сцене французских авторов.

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

ДНЕВНИК
УТРАЧЕННОЙ
ЛЮБВИ

Фантастически точный,
поражительный и проникновенный текст!

Femme actuelle

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Эрик-Эмманюэль Шмитт
Дневник утраченной любви

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Шмитт Э.

Дневник утраченной любви / Э. Шмитт — «Азбука-Аттикус»,
2019

ISBN 978-5-389-18672-9

Два с лишним года Эрик-Эмманюэль Шмитт пытался осознать и принять немислимое: внезапную смерть женщины, которая родила его на свет. На этих страницах рассказывается о его «долге счастья»: долгой, ожесточенной борьбе с печалью. Остаться безутешным было бы предательством по отношению к матери, ведь эта нежная, излучающая свет женщина наделила его вкусом к жизни, страстью к искусству, чувством юмора, поклонением радости. Писатель анализирует и боль потери близкого человека, и ту перестройку, которая происходит в нас, когда мы перестаем быть детьми своих родителей. В «Дневнике утраченной любви», как и в исповедальном эссе «Ночи огня», Шмитт через личное переживание, через «траур любви» постигает универсальные истины. Ему удается превратить опыт смерти в великолепный урок жизни.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-18672-9

© Шмитт Э., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Дневник утраченной любви

Éric-Emmanuel Schmitt

JOURNAL D'UN AMOUR PERDU

Copyright © Éditions Albin Michel – Paris 2019

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© Е. В. Клокова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Мама умерла сегодня утром и впервые в жизни причинила мне боль.

Вечером, обессилев от слез, я испытываю странное чувство: не она покинула меня, а я ее бросил. Не нахожу себе места... Где она? Нуждается ли во мне?

Хочется побежать в ту неизвестность, где сейчас оказалась мама, поддержать ее, прогнать страх, обнять за плечи, подставить руку калачиком и прошептать на ухо: «Все приладится...» Наверное, она развеселится: мама всегда смеялась, когда я передразнивал жителей Шарлеруа. «Все приладится!» Мы пятьдесят шесть лет шли по жизни рука об руку и ощущали себя сильными и спокойными. Мы находились в центре вселенной, которая организовывалась, обустроивалась на наших глазах. Мама была моим путеводным светом, она сияла, и я – в ответ, мы чувствовали себя неуязвимыми, и сумрак расступался. Я был уверен, что после жизни мы вместе приручим смерть. Разве не так должно было случиться?

Мне невыносима мысль о том, что она может умереть без меня, хотя в конечном итоге каждый покидает этот мир в одиночку...

Мама уходит – одна. «Немыслимо брать сына в подобное путешествие!» – вот что она сказала бы. Мама рассталась с жизнью, как храбрый солдат, удалилась на цыпочках, никого не потревожив. Мать остается матерью до самого конца.

Как же я мог ничего не почувствовать на рассвете, в момент ее угасания?! Нас связывали теснейшие узы, ткань бытия вибрировала в такт нашему дыханию, чувство преодолевает шестьсот километров между Лионом и Брюсселем за секунду, а моя душа не отозвалась, интуиция спала, телепатия не сработала, жар не кинулся в лицо! Я проснулся счастливым, любовался золоченой зарей и сакурой, обещавшей розовое чудо, и тут раздался звонок...

Не понимаю: она перестала дышать, а я ничего не почувствовал.

Ничего.

И все – действительно ВСЕ – рухнуло.

Мама, ты умерла сегодня утром и впервые в жизни причинила мне боль.

Ты одаривала меня только нежностью, вниманием, уважением и поддержкой. Я унаследовал от тебя страсть к жизни, жажду восторга, желание действовать. У меня нет ни одного плохого воспоминания, остались лишь тепло, свет, радость. Не было случая, чтобы ты забыла улыбнуться, не услышала меня, рассердилась так сильно, что не смогла этого скрыть. Ты никогда меня не разочаровывала. Твоя любовь была великодушной и нерушимой.

Неужели все это исчезнет? Неужто Смерть-обманщица сумела нанести удар исподтишка чемпионке в спринте, легкоатлетке с крепким телом, чью силу пощадило даже время?

Мама умерла...

Я пишу эти слова, желая убедить себя в реальности случившегося, не поддаться искушению списать печаль на кошмар.

Женщина выносила меня, родила, растила, сделала счастливым зрелым мужчиной, а удившись, что я научился быть самостоятельным, сопровождала по жизни на расстоянии. Я отдаю себе отчет в том, что внутри так называемого взрослого всегда жил маленький мальчик, считавший свою мать могущественной красавицей, целительницей, способной победить даже Безносую. «Моя мама? Да она убьет Смерть!»

Сегодня этот мальчик умер.

Вместе с ней.

* * *

Был обычный день, но все изменилось.

Так случается сплошь и рядом: нам сообщают о смерти или рождении и реальность меняется навсегда.

* * *

Я в поезде, еду в Лион, где меня ждут родные по крови люди.

Внезапный звонок телефона... Я всегда ненавидел это промышленное, технологическое, пластмассовое лицо судьбы.

Вчера утро источало аромат весны – живой, сильный, густой, вибрирующий предвестник обновления. Три пса резвились в саду, залитом шафрановым светом солнца. Оно согревало бледную лужайку, подбадривало робкую сирень и обещало один из тех дней, когда обострится жажда жизни и к вечеру мы чувствуем себя оглушенными силой собственных чувств. Я предвкушал долгие счастливые часы работы за письменным столом.

Я принял душ, проверил телефон и обнаружил несколько пропущенных звонков. У меня более чем прохладные отношения с этим «нарушителем покоя и личного пространства», так что я проигнорировал вызовы, открыл шкаф, достал одежду. На шум прибежали собаки, жаждающие поиграть, выхватили у меня носки и помчались по коридорам и лестницам: если хозяин надевает на ноги эти странные тряпочки, значит он сейчас обуется и пойдет с ними на долгую лесную прогулку...

Я бросил взгляд на экран: Флоранс набирала меня четыре раза! Сестра разделяет мое отношение к телефону, и я сразу подумал о худшем.

Она ответила мгновенно, и я услышал тяжелое, затрудненное дыхание.

– Ты звонила, Флоранс?

Она плакала. Я спросил, тревожась все сильнее:

– В чем дело?

– ...

– Что происходит?

– Mamochka... – выговорила Фло между двумя всхлипами.

И я понял. У моих ног распахнулся люк в другой мир – холодный, угловатый, неудобный, враждебный, где мы с сестрой станем вечными пленниками. Грянуло известие, которого я боялся пятьдесят лет: мама умерла. Так-то вот. Это случилось. Теперь. Сегодня. Конечно.

– Нет!

Я со стоном выдыхаю это слово, я не приемлю случившееся, хочу остановить маму, сходящую в бездну. «Нет!»

Дафна в панике – она еще очень молодая психа, ее пугает поведение хозяина. Я рыдаю, а она слизывает мои слезы, скулит, топчется вокруг меня, тычется мокрым носом в шею, твердо вознамерившись «починить человека». Я окончательно лишился сил и не отпихиваю Дафну, просто не могу себе этого позволить теперь, после смерти мамы, когда иссяк главный источник любви.

«Нет!»

И еще раз – «Нет!»

«Нет!» – и ничего больше. Дафна сопровождала меня до постели и, наплевав на строжайший запрет, легла поверх одеяла, как будто хотела сказать: «Я буду тебя лечить!» Дафна, маленькая и такая трогательная Дафна, смешная и великолепная.

Час спустя я выплакал первые слезы, обрел голос и позвонил близким. Брюно, Жизель, Ян, Майя – все очень быстро приехали, сменили Дафну на посту утешительницы и... так мало преуспели.

Да, я не одинок, но сумею ли двигаться вперед без мамы?

«Следующая остановка: вокзал Шесси, Марна-ла-Валле».

Я сижу в кресле скрючившись, сжавшись в комок, смотрю на проносящийся мимо пейзаж и плачу. Мысли о маме вызывают потоки слез, они текут из-под затемненных стекол очков, и я вытираю лицо рукавом свитера.

Роскошная брюнетка в расцвете зрелой красоты подходит ко мне, молча смотрит несколько секунд, наклоняется и говорит:

– Мне очень нравятся ваши книги.

Женщина улыбается, как будто не замечает моего заплаканного лица.

– Я хотела непременно сказать вам это.

Очаровательная незнакомка исчезает. Она поняла? Все от начала до конца? Или ничего? Я совершенно потрясен кроткой ласковостью проявленного внимания. Деликатностью эта женщина похожа на мою маму... Я неслышно шепчу ей в спину: «Спасибо», но она уже выходит из вагона.

Рыдания сотрясают грудь, и я пытаюсь сдержать их, глядя через стекло на невидимую точку в небе. Проявление добрых чувств ранило меня, я почувствовал острую боль, какая бывает, когда случайно срываешь корку с незажившего ожога. Я ясно осознаю новую реальность: придется учиться жить дальше без мамы. Двигаться вперед, не рассказывая ей, кто какими словами похвалил меня. Получать подарки и не мчаться сломя голову, чтобы с детской гордостью показать их ей. Я больше не буду проживать жизнь «в пополаме» с мамой.

Я чувствую себя отупевшим.

Мама всегда расширяла масштаб моего существования до поэтических размеров. Я проживал любое событие дважды: один раз – чтобы насладиться, второй – чтобы дать ей почувствовать мельчайшие детали и нюансы. Я рассказывал, приукрашивая и возвышая, привирал, карауля мамину реакцию, и наслаждался ее хохотом. Делился, естественно, не всем – деликатность была непременной составляющей наших отношений, – но мама узнавала о моих встречах, чувствах, обидах, сожалениях и злобных сарказмах в пересказе. Пятьдесят лет у меня было два параллельных существования – реальное и повествовательное.

Теперь осталось одно – мое собственное. Прощай, «жизнь на двоих». Прощай, «жизнь, сотканная из слов».

По этой ли причине дневник со вчерашнего дня стал так важен для меня? Неужели он заменил *слово*? Слова, обращенные к матери...

«Следующая остановка: вокзал Креза-TGV»¹.

Я беру себя в руки. Довольно слез! И откуда они только берутся в таком количестве?

Мама уж точно не захотела бы видеть меня печальным и разваливающимся на части. Скажу больше: она почувствовала бы себя оскорбленной, решив, что оказалась несостоятельной на ниве воспитания.

Нельзя ее разочаровывать.

«Следующая остановка: Лионский вокзал Пар-Дье».

Я выхожу на перрон в моем родном городе Лионе, смотрю на часы и вижу дату: 28 марта.

Здесь, ровно пятьдесят семь лет назад, мама произвела меня на свет, а теперь я приехал, чтобы проводить ее до последнего пристанища.

Начался мой первый «сиротский» день.

Я теперь ничейный сын.

* * *

Час ночи. Никак не удается заснуть. Я согласился переночевать у Флоранс – мне сейчас хочется быть рядом со старшей сестрой, которую я любовно называю деткой. Интересно, они с Аленом тоже мучаются бессонницей в соседней спальне? А мои племянки Стефан и Тибо?

Займусь-ка я дневником, все лучше, чем ворочаться в постели, как сорвавшийся с привязи груз на палубе корабля, попавшего в шторм. Сажусь за узкий стол и начинаю перечитывать записи...

Дорога совершенно меня вымотала: Лион без мамы – не Лион. Таксист вез меня по улицам, не ведущим к ней, я взбирался на холм², где она больше не живет, смотрел на фасады домов, мимо которых она никогда не будет гулять, а совсем скоро позвоню в домофон – и не услышу ее веселый голос, подойду к квартире – и не увижу ее на пороге, с увлажненными глазами, облегченно вздыхающую: «Ну слава богу, добрался!»

Без мамы город вдруг показался мне пустым, нелепым, разрушенным. Его лишили головы...

Было так больно, что меня осенило: мама навечно покорила Лион, для меня город олицетворяла она, а не Дева Мария Фурвьерской базилики. Из своей величественной дозорной башни в Сент-Фуа-ле-Лион мама управляла кварталами, оранжево-розовыми крышами, колокольнями, куполами, извилами рек, ходом медлительных барж, дымящимися трубами, угрюмыми промышленными объектами. Она навязывала городу свою гармонию: речка сливается с рекой, как рука касается руки, два холма улыбаются друг другу, защищая сердце Лиона. Скажу больше – она раскрасила город в цвета, которые предпочитала в одежде: черепичный бледно-розовый, фасадный охристый, каменный жемчужно-серый, водно-металлический, небесно-лазурный. Мама обожала путешествия, увлекалась археологией и историей, возила меня в Грецию и в Италию, была неутомима в походах через время и пространство, требовала, чтобы город предъявлял миру все эпохи: Галлию, Средневековье, Возрождение, классицизм, буржуазный девятнадцатый век, современность из стекла и бетона. Мама вдохнула в древнюю столицу галлов свою мудрость, слепленную из умеренности, скромности и безропотности женщины в возрасте, которая без истерик смирилась с пенсией и приглушала трагизм заката, наслаждаясь сиюминутными радостями.

¹ TGV – французская сеть скоростных электропоездов. Первая линия была открыта в 1981 г. между Парижем и Лионом.

² Имеется в виду Фурвьер – холм, возвышающийся с запада над центром Лиона. Так же называется центральный квартал, расположенный на этом холме.

Проезд по улицам и набережным подарил мне озарение: не мама уроженка Лиона – город происходит от мамы.

Лион, мой родной город? Лион, мой материнский город...

* * *

Могучее светло-желтое солнце раздавило вторник. Дивная погода приняла в свои объятия ужасный день.

В фильмах и романах пышная природа звучит в унисон с героями: французские кинорежиссеры не мыслят расставания без дождя, все агонии в романах случаются в бурю. В прошлом я рвал отношения под безоблачными небесами, а сегодня, в день маминой смерти, весна сияет всеми красками радуги. Космос равнодушен к моей тоске, и меня это скорее успокаивает, лишает значимости, доказывает, что душевное состояние одной человеческой особи в океане Вселенной весит меньше самой маленькой капли.

Встреча с сестрой помогла мне успокоиться: и речи быть не может о том, чтобы хныкать на груди друг у друга. Незримо присутствующая мама запрещает разнюниваться, призывает к сдержанности. Мы с Флоранс не раз уединились в соседней комнате или на балконе, чтобы пролить тайные слезы...

В обычаях и ритуалах – даже административных – есть хорошая сторона. Подобрать все необходимые бумаги, заполнить бланки, заказать отпевание, назначить день похорон, составить текст сообщения, разослать объявления в газеты, обзвонить родных и друзей... На все эти дела требуется энергия, которую в противном случае мы потратили бы, горюя об усопшем.

Предусмотрительная мама облегчила нам задачу – подписала договор на организацию церемонии с похоронным бюро.

Контора, выстроенная из клееной фанеры и стекла, стояла в глубине парковки и напоминала скорее почту или отделение банка. Чистенькая, новенькая, небольшая, с веселыми пастельно-розовыми стенами и яблочно-зелеными креслами для посетителей, цветовым решением она напоминала ясли или детский сад. Как ни странно, это утешало и ободряло, а вовсе не раздражало и не казалось оскорбительным.

Нас приняла молодая женщина в элегантном черном платье, умело накрашенная, с идеальным маникюром. Прежде чем пригласить нас в кабинет, она легким кивком указала на высоченного парня лет двадцати, тот робко поклонился и был представлен как стажер.

– Вы позволите молодому человеку присутствовать при нашей беседе?

– Мне бы этого не хотелось, – не раздумывая отрезал я.

Флоранс посмотрела на меня, явно недовольная этим «единоличным» решением. Я дернул плечом: «У нас с тобой не стажировка, мы в трауре по маме, такое бывает раз в жизни...»

Дама понимающе кивнула, и мы уединились в кабинете. На полках стеллажей стояли таблички с образцами траурных уведомлений, которые немедленно повергли меня в уныние: глупые выпендренные формулировки могли разве что вызвать раздражение у горящего человека. Я тут же разозлился на себя: перебирая слова и полируя формулировку, маму не вернешь!

Много лет назад она заполнила целый пакет документов, где оговорила все пожелания насчет своих похорон. Занимающаяся нами дама вдруг покачала головой, обнаружив какое-то упущение в договоре.

– Ах, какая досада – ваша мать не упомянула услуги *танатопрактика*.

– Чьи услуги?

– Специалиста, который занимается сохранением тела, готовит его для положения во гроб. Меня это удивляет – судя по всему, ваша матушка была весьма кокетливой дамой. Я добавлю пункт «грим», согласны?

Я тяжело сглотнул. Сестра погладила меня по руке, давая понять, что заранее согласна с моим решением.

– Мама ничего не упустила, мадемуазель. Она терпеть не могла обычай «раскрашивать» покойников. Вы назвали ее кокеткой, но она была еще и феминисткой и не хотела, чтобы ее «выставляли напоказ».

Женщина задумчиво откашлялась и тихо спросила:

– Итак?

– Итак, мы не станем нарушать ее волю.

– Но вы ведь захотите...

– Нет.

– Возможно, ее братья или сестры...

– Никто не пойдет против маминой воли. Она всегда сама обставляла свои появления на публике, пусть и уход будет именно таким, как ей виделось.

Я вспомнил, в какое бешенство приходила наша мать, когда ее пытались подвести к гробу на похоронах кого-нибудь из знакомых. При виде мертвого тела обожаемого мужа она пришла в ужас и накричала на нас с Фло: «Ну что вы застыли?! Не видите, что папы тут нет? Что он ушел? Здесь никого нет, никого, никого!»

Служащая смирилась и предложила перейти к выбору гроба.

Я хотел было крикнуть: «Самый красивый!» – но сдержался. Мама нашла бы меня смешным, Флоранс не откажет себе в удовольствии поиздеваться.

– Ну, не знаю... До сего дня гроб нам выбирать не приходилось, – пробормотал я.

– Наш отец захотел, чтобы его кремировали, – пояснила Фло.

На стол перед нами лег каталог гробов. Простые. Строгие. Роскошные. Претенциозные. Некоторые цены заканчивались на цифру 9, если точнее – на 99, как в супермаркете, чтобы завлечь клиента. «Не хватает только гробов со скидкой».

Мы с сестрой совсем растерялись. Ну не брать же первый попавшийся! На чем остановиться? Какая цена будет разумной?

– Базовая модель, – устало произнесла сестра.

– Буковый, из граба или древесно-стружечной плиты?

– Мама обожала аромат сосновой роши... – Флоранс решила закрыть тему.

– Обивка?

Любое решение выставляло нас дураками: откажемся от «шишечек» – проявим рациональный подход, но будем выглядеть жмотами. Соглашаться на расточительство глупо – вряд ли подушечки обеспечат уснувшей дополнительные удобства. Правильного ответа на вопрос не существует...

Смерть доставляет живым одни неудобства, но решать придется: мама больше ничего не чувствует, но разве она превратилась в пустое место? И мы воскликнули хором:

– Да! Делаем обивку!

– Сатин или шелк?

– Шелк!

– Белый, голубой, розовый, цвет шампанского?

– Цвет шампанского!

Следующие две минуты наступившую тишину нарушал только стук ногтей по клавишам компьютера. Я мысленно зывал к нашей собеседнице: «Только не нужно больше вопросов, умоляю вас, довольно вопросов!» Каждый раз, выбирая что-нибудь для мамы, мы осознавали, что она об этом не узнает, и снова и снова теряли ее.

Женщина взяла калькулятор и приступила к подсчетам. Банальность ее действий неожиданно успокоила меня: чем, в конце концов, мы заняты? Делаем покупки – похоронные, но покупки.

Я по достоинству оценил профессиональную подготовку служащей похоронного бюро: она видит, что мы в смятении, и пытается смягчить нашу печаль, задавая необходимые вопросы, объясняя, что придется согласиться на определенные условия, соблюсти правила, принять решение и оплатить счет. Чек, наличные, кредитная карта? Ни преувеличенной жалости, ни притворного сочувствия, только уважение к нашему горю. Прощаясь, я сказал, что нахожу ее работу блестящей, она в ответ опустила глаза:

– Благодарю. Знаете, я очень редко вижу брата с сестрой, во всем согласных друг с другом.

Мы с Флоранс покраснели. Я посмотрел наверх и мысленно присвистнул, обращаясь к маме: «Это твой успех, поздравляю».

Я пожалел, что отказал стажеру в праве присутствовать при разговоре: сам дебютировал в роли сироты, а парню не позволил начать «погребальную карьеру».

* * *

Решусь ли я на признание?

Мамина смерть стала чудовищной ловушкой.

Мои близкие знают, как тяжела для меня эта история, но описать чувства словами на бумаге я пока не готов...

* * *

В моей душе хранится десять тысяч воспоминаний о маме, но выманить наружу первое я не могу. Вы сумеете описать ваше изначальное впечатление о солнце? Небе? Земле? Воде? Такова суть природы: она не оставляет воспоминаний об истоке. Я считаю, наша история никогда не начиналась, она всегда была.

Мама не являлась мне: это я вышел из нее. Мы составляли единое целое, из которого постепенно образовались два индивидуума.

Разделились ли мы? Это как посмотреть. Я жил внутри ее, вылупился на свет божий, но не «отлепился» от мамы: она разговаривала со мной, купала, укладывала в кроватку, я цеплялся за ее руки, обнимал колени, она целовала меня в лоб, гладила по щечке. Мы оставались двумя личностями. Так продолжалось до моего юношества, когда ласки стали скупее, нет – целомудреннее, мы ограничивались легкими поцелуйчиками-касаниями, похлопыванием по плечу, хождением за руку – а в последние годы под руку – на прогулке.

Первый раз отсутствовал. Были первородные воды, магма, глина!

Я прожил вместе с мамой историю без начала, которой теперь настает конец. Неужели ее присутствие станет отсутствием?

Похороны состоятся сегодня утром, 1 апреля, через два часа.

Продолжается тягомотина вокруг смерти мамы... Сомнения... Вопросы...

Мои дяди переполошились: как это так, они не отдадут последних почестей сестре, перед тем как гроб закроют навсегда! Мы скрыли от них правду, сославшись на категорический запрет мамы.

Из-за этих стесняющих обстоятельств мы с Флоранс не присутствовали при положении тела в гроб, хотя по закону кто-то из членов семьи должен находиться рядом с офицером полиции. Эту обязанность взял на себя мой зять Алэн. Этот милый, нежный, открытый, преданный человек уже тридцать лет делает счастливой мою сестру, он обожал маму и сегодня тоже вызвался волонтером.

Скабрзные детали (о которых я умолчу) выводят нас с сестрой из равновесия.

Мы довольствуемся официальным заключением врача: мама умерла мгновенно, от остановки сердца, ничего не успев почувствовать.

Флоранс зовет – пора везти маму в церковь, а потом на кладбище.

Когда я вернусь домой, она будет лежать под землей. Господи, хоть бы ноги не подвели...

* * *

Церковь моего детства. Повсюду цветы. Струнный оркестр. Певица. Проникновенные тексты. Друзья. Близкие. Служба получилась достойная, простая и красивая, думаю, маме бы понравилось.

По сути дела, недоставало только ее.

* * *

Моя душа превратилась в лохмотья.

Мы вернулись в Бельгию, в деревню, и я жмусь к своим, как мерзлявый кот. Их нежная участливость и внимание согревают, но не утешают, это скорее комфорт, чем поддержка.

Вчера, на похоронах в Сен-Фуа-ле-Лион, я купался в сочувствии. Церковь утопала в цветах. Два гигантских букета обрамляли алтарь, один – от моего издателя, второй – от театра, двух столпов жизни, столь любимых при жизни мамой. Белые розы прекрасно гармонируют с пышными лилиями. Мои друзья из оркестра «Слияние», часто встречавшиеся с мамой на наших постановках Моцарта, аккомпанировали вдохновенной вокалистке. Это было так прекрасно, что я едва сдерживал слезы.

Присутствие некоторых людей меня тронуло, а вот появление читателей и читательниц, ни разу в жизни не видевших маму, вызвало недоумение.

Мои племянники поднялись на трибуну за аналоем, и каждый произнес речь о бабушке: Стефан говорил с веселой нежностью, Тибо – с вполне уместным юмором. Дьякон, друг моего отца, набросал точный портрет мамы, основываясь на наших подсказках. Кристина, моя кузина и мамина крестница, читала из Евангелия хорошо поставленным и уверенным голосом истинно верующей католички.

Не помню, что говорил я, но закончил так: «Она возложила на нас с сестрой обязанность любви до конца наших дней. Мы держимся благодаря маме. Когда-то очень давно, здесь, неподалеку, она отпустила руку сестры, убедившись, что та научилась ходить, так же было и со мной. Сейчас она снова так поступила, чтобы мы самостоятельно продолжили свой путь».

Потом я посмотрел на гроб.

«Тем, кто там, наверху, повезло: они примут в свои ряды нового потрясающего обитателя. Нам – здесь, внизу, – тоже повезло: мы знали эту потрясающую женщину».

До чего не похожи месса и похороны!

Служба обещает восхождение, ритуал символизирует спуск под землю. Священники говорят о Небесах, могильщики зарывают в землю. Первые олицетворяют свет, последние гасят его, как фонарики в старину. Наше воображение рисует картину вознесения, глаза же видят только разверстую могилу.

Заупокойная служба переворачивает душу, укрепляет наши силы словами, музыкой, эмоциями, сетованиями, надеждой. И даже шутками. Похороны же подводят нас к краю бездны.

Мы смотрим на непристойно обнажившуюся, застигнутую врасплох землю. На ее оранжевое, интимное, влажное естество, так непохожее на коричневую поверхность. Могильщики изнасиловали землю. Они стоят в сторонке, лопаты и заступы ждут своего часа.

Скрипят по гравию шины тяжелого катафалка. Становится тихо. Мы с ужасом смотрим на машину, как будто в ней заключен не труп, а убийственная сила.

Четверо молодых, подтянутых, одетых в черное мужчин поднимают гроб. Там мама? Или уже не она? Гроб кажется таким легким...

Они обвязывают его толстыми веревками и опускают в яму. Я слышу глухие звуки и отворачиваюсь, чтобы не закричать. Не приближаюсь, потому что боюсь отшатнуться, и ничего не вижу из-за слез. Моя отчаявшаяся, сбита с толку душа возносит молитву.

Все мои держатся рядом. Брюно, Ян, Эрик, Франк, Жизель, Коломба, Танкред, Флоранс, Катрин, Даниэль сомкнули ряды. Моя сестра, зять, племянники, кузены, дяди и тети. Все живые склоняются над той, у которой закончились силы, и посвящают ей последние минуты последнего свидания.

Я никогда не сказал бы тебе «Прощай!», если бы меня не вынудила смерть.

Рядом с маминым гробом устанавливают урну с прахом нашего отца. Чопорные гробовщики покидают сцену, у одного из них из-под воротника выглядывает татуировка. Эта деталь неожиданно превращает его из персонажа действия в живого человека, и мне хочется поблагодарить его за то, что он тратит молодость на зловещее похоронное ремесло.

Могильщики бесшумно работают лопатами. Это действует на меня успокаивающе... После смерти тело человека закапывают в землю. Обряд мучительный, но древний, он установлен раз и навсегда и должен быть совершен.

Мама исполнила земное предназначение. Мы сделали то, что должны были сделать в этот день.

* * *

Могила.

Что такое могила?

Крышка люка, который никуда не ведет. Дверь, открывающаяся в ничто. Плоская поверхность, притворяющаяся, что в ней есть глубина. Приманка.

* * *

Могилы состоят из надписей в память об ушедших.

Их выбивают на камне – чтобы не улетали.

Кладбища – целые поля надписей.

* * *

Надпись не исполняет свою функцию, если никто ее не читает.

Я буду приходить на твою могилу, мама, раз за разом подтверждая твое присутствие.

Что лежит в могиле?

Некое существо? Обрывки целого? Прах? Воспоминание? Маму проглотил ее труп.

Единственный смысл придала могиле сама мама: купила ее после смерти отца, установила там урну с его прахом – наши возражения не подействовали, он выбрал кремацию – и вооружилась терпением. «Он ждет меня там, однажды я к нему присоединюсь...» – спокойно повторяла она, очень довольная тем, что не только исполнила последнюю волю своего мужчины, но и навязала ему свою.

Эта могила объединяет моих родителей, олицетворяет их любовь, не принадлежа кому-то одному.

«Пойдем со мной на кладбище, повидаемся с отцом!» – много раз просила мама, но я ни разу не медитировал над серой гранитной плитой.

«Пойдем со мной на кладбище, повидаемся с отцом!» Я никогда не хотел увидаться с отцом – ни на кладбище, ни в любом другом месте.

* * *

– Где ты?

Откуда бы я ни звонил маме, путешествуя по городам и весям, она первым делом задавала мне этот вопрос. Сегодня я смотрю в пустынное небо и спрашиваю:

– Где ты?

* * *

Где она? Под землей? На небесах?

Ее настоящим убежищем станет моя память.

* * *

По правде говоря, в первую очередь я хочу утешить не себя – ее.

* * *

Тени занавешивают мамину смерть...

Решусь ли я написать о них?

Страх останавливает мое перо.

* * *

Во вторник, 4 апреля, я покидаю Гонкуровскую академию. Я очень ценю наш ежемесячный обед в ресторане «Друан», жаркие дискуссии, которые мы ведем, когда ищем литературные таланты. Эта задача разжигает в нас альтруизм, ведь обсуждаются только чужие книги, и никогда наши собственные, но больше не могу тащиться поездом в Париж и вести умные беседы, то есть быть независимым человеком.

Я пишу короткое письмо девяти коллегам-писателям, рыцарям овального стола. Они мои товарищи, некоторые – близкие друзья.

Почти сразу получаю ответные послания. Виржини Депант³, Филипп Клодель⁴ и Поль Констан⁵ выражают мне теплые чувства в изысканных выражениях, и я перечитываю их, чтобы насладиться дружеским участием. От Тахара Бен Джеллуна⁶ приходит короткое сообщение, в котором говорится о «боли и разлуке, вечном молчании и неизгладимых слезах» и о том, что благоразумный человек должен учиться терпению.

³ *Виржини Депант* (р. 1969) – французская писательница, переводчица, поэт-песенник и кинорежиссер. С 5 января 2016 г. по 6 января 2020 г. – член Гонкуровской академии.

⁴ *Филипп Клодель* (р. 1962) – французский писатель и кинорежиссер.

⁵ *Поль Констан* (р. 1944) – французская писательница, доктор филологических наук, специалист по литературе XVIII века. Основала в Экс-ан-Провансе Центр писателей Юга. Кроме Гонкуровской премии, она дважды лауреат «Гран-при» Французской академии, лауреат премии имени Валери Ларбо и премии Международной амнистии.

⁶ *Тахар Бен Джеллуни* (р. 1944) – марокканский романист, поэт и эссеист. Публикует стихи, прозу, после защиты докторской диссертации издает труды по психиатрии и социальной психологии, активно работает как журналист, занимается вопросами переселенцев и эмигрантов. Сейчас живет в Париже, пишет на французском языке.

Терпение...

Я знал терпение любви, теперь придется учиться терпению печали.

* * *

Собрать все факты. Рассказать о ее смерти. Найти истину. Дать трезвую оценку случившемуся. Сумею ли?

Я не составляю протокола. Романист, драматург, я наделен пылким воображением и решил придумывать истории из любви и отвращения к реальности. Человеческие особи вдохновляют меня, в этом источник моей любви. А отвращение? – спросите вы. Дело в том, что я описываю мир не только таким, каков он есть, но и таким, каким он мог бы быть. То есть должен был бы быть. В тесто реального я добавляю дрожжи идеального.

В маминой смерти идеал отсутствует.

Так чувствуем мы с сестрой.

* * *

«Молчание символизирует травматизм. Индивидуум преодолевает боль, когда облакает ее в слова».

Я записал эти фразы в Швейцарии, на коллоквиуме по психиатрии посттравматизма. Врачи бывают готовы говорить о начале выздоровления, если пациент описывает пережитое и признает себя героем либо жертвой рассказанной истории.

Мне трудно смириться... но я должен описать мамину смерть.

* * *

Я уже говорил, что молюсь за нее по несколько раз в день?

Молюсь, чтобы она не запаниковала в том царстве, где окажется.

Прошу, чтобы ее хорошо приняли и она разгуливала бы там, веселая и счастливая.

Молюсь и прошу, чтобы она не тревожилась о нас, своих детях и внуках, своей семье, подругах и всех любимых существах.

А еще я молюсь – и это разрывает мне сердце, – чтобы мама испытала величайшую радость, найдя в том мире моего отца.

Не исключено, что мои молитвы не возымеют никакого действия: возможно, они не влияют на мир иной, а может, никакого такого мира просто нет.

Но я все-таки буду молиться.

А что еще делать, если ничего другого не остается?

* * *

Я верю в силу веры.

Разве любовь существовала бы без веры?

* * *

Кое-кто думает, что молятся те, кто хочет придать себе важности, воображая, что способны изменить мировой порядок.

Молитва дышит оптимизмом, волюнтаризмом, сопротивлением и вовлеченностью. Мои ценности. Отрекись ли я от них перед лицом смерти? Ни в коем случае!

Пусть сама попробует перечеркнуть их.

* * *

Хотите знать, что ужасного было в истории маминой смерти? Извольте.

Мама, как и каждый год, собиралась в Экс-ле-Бен⁷ – подлечиться и отдохнуть. В воскресенье мы поговорили по телефону, и она призналась – мне и Флоранс, – что внезапные приступы слабости участились и сейчас самое время заняться собой. В понедельник вечером мамин внук Стефан помог ей заправить машину и загрузить багаж.

В среду мы с сестрой начали звонить маме, но не смогли с ней связаться. В субботу и воскресенье я посылал эсэмэски и наговаривал сообщения на голосовую почту. Она не откликнулась! Я скорее был раздосадован, чем встревожен, помня, что мамин мобильник вечно лежит мертвым грузом на дне сумочки. В понедельник утром команда национальной радиостанции «Франс Интер», готовившая передачу обо мне, известила Фло, что не может связаться с госпожой Шмитт, хотя она по телефону назначила им встречу. Зная мамину пунктуальность и серьезное отношение к договоренностям, сестра мгновенно связала это с отсутствием ответа на наши сообщения. Она обзвонила все отели в Эксе и в конце концов получила информацию от портье отеля, где был зарезервирован номер.

– Госпожа Шмитт не появилась у нас во вторник, и мы ничего о ней не знаем.

Флоранс сразу все поняла. Схватила дубликат ключей от маминой квартиры и с бешено колотящимся сердцем помчалась к ее дому. Увидела машину на парковке, поднялась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и нашла маму лежащей на полу в кухне.

Она была мертва уже несколько дней.

* * *

Все мы слышали печальные истории об одиноких стариках, чьи тела находили очень не скоро после смерти. И все возмущались бесчувствием их детей.

Вот и я много раз осуждал, бичевал, поносил неблагодарных или равнодушных отпрысков, уделявших мало внимания родителям. В период отпусков, когда старики обычно мрут как мухи, я звонил маме каждый день. Стоит мне узнать, что такой-то или такая-то пренебрегают своими обязанностями, я вскипаю праведным гневом и мир кажется мне прибежищем монстров.

Между тем иногда дело вовсе не в чудовищах, а в обстоятельствах.

Самый внимательный и любящий ребенок может не знать, что происходит с его матерью. У моей сестры не было причин беспокоиться. Мы думали, что мама в Экс-ле-Бене, ходит на процедуры, ест по расписанию и держит телефон выключенным.

* * *

Флоранс и верный Ален много часов ждали врача и гробовщиков, снова и снова воображая душераздирающую сцену: мама агонизирует... надеется, что помощь придет, но никто не появляется.

⁷ *Экс-ле-Бен* – термальный курорт, расположен в департаменте Савойя, Франция, на берегу озера Бурже. Сюда издавна приезжают люди, желающие поправить свое здоровье с помощью целительной воды из волшебных источников.

Беспримесный ужас. пытка...

Чувство вины.

Наконец в семь вечера врач сообщил им, что мамина смерть была мгновенной. Сердце остановилось, и она упала. Все случилось за несколько секунд.

«Она не поняла. Подумала: „Снова мой блуждающий нерв...“ – за последнее время он часто ее беспокоил».

Я пошутил – по-идиотски:

– Ну тогда она умерла, воскликнув: «Проклятье, как ты мне надоел!»

* * *

Врач подтверждает:

– Ваша мать не страдала.

Мы с Флоранс киваем, утешенные.

Значит, страдание зарезервировано для нас?

Мы переглядываемся, подумав хором: «Ничего, справимся...»

* * *

Диагноз был таким... утешительным, что у меня в конце концов возникли подозрения.

А если доктор сказал то, что мы хотели услышать? Произнес именно те слова, которые меньше всего «виноватили» нас? Неужели он лечил нас, ведь маме помощь не требовалась?

Я делюсь этими мыслями с сестрой, и она суровым тоном перечисляет внешние признаки, подтверждающие правоту врача. Фло – уважаемый ученый. Биолог. Она не врет.

– Тем лучше... тем лучше, – с облегчением пробормотал я.

Иногда хорошие новости бывают слишком хороши...

* * *

Меня терзает вопрос: как я мог ничего не почувствовать?

Как прожил всю неделю, не ощутив, что моя обожаемая мамочка покинула этот мир?

* * *

Мама умерла, как жила, – в спринтерском стиле.

Чемпионка Франции по бегу, много лет никому не уступавшая национальный рекорд, она была обладательницей потрясающих ног, которые бросали вызов хронометру и заставляли мужчин оборачиваться ей вслед.

В детстве я остро осознавал эротическое могущество, которым были наделены мамины ноги: я не только восторгался ими сам, но и замечал взгляды прохожих и слышал их реплики. Безупречной формы, нервные, гладкие, тонкие, стремительные, загорелые, они излучали дерзость, дикарство и чувственность, контрастируя со сдержанной манерой держаться и нежным лицом.

Шестидесятые годы любили женские ножки. Каждую осень Францию волновал единственный вопрос – о длине юбки. Выше, до или ниже колена? Как только страна получала ответ, мама – нравилось ей это или нет – вместе с тысячами других женщин бежала к своей портнихе переделывать наряды, чтобы не стыдно было ходить по улице. Только старые дамы ничего не меняли.

Мама очень поздно приняла брюки. Летом, на берегу моря, она носила шорты, но брюки не надевала – они казались ей «неженственными». Сдалась в середине семидесятых, чем навлекла на себя ужасный гнев мужа. Он бесновался так, как если бы жена наставляла ему рога или стала приклеивать усы! Мама не уступила, сочтя брюки орудием эмансипации в борьбе против диктата мужчин.

В душе я был на стороне папы, но виду не подавал и мнения своего не высказывал (тем более что никто им не интересовался!).

Мать-красавица – объект гордости сына, матерью-чемпионкой он гордится, даже став взрослым. Я всегда хвастался мамиными достижениями: она объективно была лучшей, что подтверждали ее достижения.

В восемьдесят семь лет мама пробежки, конечно же, отменила, но мы с ней ездили на Авиньонский фестиваль, ходили на все спектакли, и она ни разу не «засбоила».

Здоровье никогда маму не подводило, и при жизни она смерти не поддалась. Умерла скоропостижно. Как настоящий боец. Наша с Фло мать сделала чемпионскую карьеру – выиграла тысячу схваток, проиграла одну.

Последнюю.

Про таких, как она, никому не пришло бы в голову сказать «ни жива ни мертва». Моя мать была совершенно живой – до самого конца.

Смерть взяла над ней верх во вторник утром, в один миг, поразив ударом в сердце. Работу ей пришлось сделать четко и чисто. Смерть не уподобилась ни богатой бездельнице, ищущей окольных путей, ни жестокой ведьме, наносящей одну рану за другой, ни извращенке, наслаждающейся мучениями жертвы, ни социопатке, смакующей победу и страх соперницы. С мамой пришлось играть честно: один роковой удар, и дело сделано!

Чемпионка Франции 1945 года Жаннин Тролье, в замужестве Шмитт, быстрее всех пробежавшая дистанцию 120 метров (ее рекорд продержался двадцать лет), атлетка с прославленными ногами, прыгнула в смерть, снова установив рекорд.

* * *

Смерти часто требуется несколько попыток.

Эта претенциозная дама приходит покрасоваться в наш мир в образе болезни, слабости, немощи. Она, нежеланная, умеет заставить человека желать конца, предварительно сделав жизнь суровой, постылой и невыносимой, когда перестаешь различать день и ночь, не чувствуешь течения времени, минуты и часы кажутся тоскливыми и пустыми. Загнав дичь, смерть предлагает решение.

Смерть-утешительница... Какая ирония!

* * *

Внезапная мамина смерть была подарком, я в этом уверен...

Мамин уход опустошает меня, но его стремительность стала ответом на мои молитвы. Мама боялась зависимости от окружающих, упадка сил, долгого лежания в больнице, агонии. Бесконечной агонии, которая выпала на долю моего отца. Благодаря молниеносной кончине она миновала все «кладбищенские предбанники».

А заодно и нас избавила от мук. Мне не пришлось увидеть маму в одежде заключенной – больничной рубаше, едва защищающей целомудренность человека. Я не касался тела матери в морге, ледяного, с браслетом на ноге. Я не смотрел, как чужие люди – врачи, медсестры, санитарки – пытаются облегчить мамину боль. Я не пробовал взять на себя часть ее страданий,

не задышался от бессилия, не навещал самого любимого в этой жизни человека, мать, после того как она перестала быть собой. Я знал маму только живой и сильной.

* * *

Внезапная смерть – мед для ушедшего, но яд для оставшихся. Близкие ошеломлены, они чувствуют оцепенение, смятение, шок. Им трудно поверить в саму идею исчезновения любимого существа, принять реальность пустоты.

А вот агония придумана для живых. Пациент страдает, и семья заставляет себя смириться со смертью. Иногда родственники мысленно взывают к милосердию Дамы с косой.

Я говорил: «Мой отец умирает». Я сопереживал его мучениям, восхищался мужеством и воспринимал папин уход как избавление – и для него, и для нас. А о маме сказал однажды утром: «Она умерла».

Моя мать была смертной, но никогда – умирающей.

* * *

Я бреду сквозь бесцветные дни.

Я толком не понимаю, на каком свете нахожусь.

Отправляюсь куда-нибудь по делу, но до места назначения не добираюсь.

* * *

Узнав о смерти мамы, я пообещал трепетной Майе, державшей меня за руку:

– Я постараюсь не плакать. Ей бы не понравились мои слезы.

Боюсь, я переоценил свои силы.

* * *

Мама напрасно надеялась, что ее сын совладеет с чувствами и сумеет держать себя в руках: стоит мне остаться одному и я начинаю рыдать.

Ругаю себя: «Бери пример с нее. Она ведь сумела пережить смерть отца, к которому питала не менее сильные чувства, чем ты к ней!»

Вот и воспоминания подоспели... Я как наяву вижу моего деда Франсуа – у него были такие же черные ласковые глаза, как у мамы.

Я обожал деда. Он был спокойный, добродушный и весь такой круглый, что обожавшая его бабуля объясняла непонятливым: «Он красавец и вовсе не толстяк!» Мне нравились его брюки из ворсистой фланели, молочно-белые рубашки, одеколон, в котором сливались ароматы амбры и лаванды, усы, щекотавшие мне щеку при поцелуе, тонкие искусные пальцы, за которыми я мог наблюдать часами, замирая от восторга, когда он чинил или мастерил украшения. Всю жизнь мой дед, простой ремесленник, ювелир-оправщик, держал в руках безумно дорогие камни, но сам не разбогател.

Он кстати вступал в разговор и кстати молчал, во всех его действиях и состояниях была внутренняя логика. Он никогда не произносил лишнего слова, но точно знал, в какой момент стоит нарушить тишину. Работу он прерывал только ради игры с внуками: подвешивал на леске пауков, сделанных собственными руками, прятал за дверями и под лестницами чудищ из швабры и тряпок. Мы визжали от страха, потом начинали хохотать и были в восторге от дедушкиных сюрпризов. Дед обожал кошек, но в большой квартире на холме Круа-Рус нико-

гда не жил ни один мохнатый любимец, поэтому он «одалживал» котят у соседей и учил меня играть с малышами. Я разделял дедову нежность к зверюшкам и радовался его радости.

Человек, к которому я был привязан сильнее, чем к отцу, – мое чувство было незамутненным и сильным, – умер в шестьдесят лет от сердечного приступа. Я не помню маму плачущей: когда ей сказали, она всхлипнула на самой высокой ноте, задохнулась и, хлопнув дверью, закрылась в своей комнате. Мама плакала навзрыд в кино и театральном зале, но никогда не теряла самообладания в обычной жизни.

Несколько дней, отделявших смерть деда от его похорон, я с утра до вечера шумно рыдал, икал, сморкался, почти впадал в истерику. Родители пытались утешать меня, смотрели с сочувствием и... непониманием. Кузина «донесла», что подобное проявление чувств у десятилетнего мальчика повергало их в изумление и уныние.

В день погребения трем внукам – Флоранс, Кристине и мне – велели находиться в прихожей, рядом с комнатой, где лежало тело деда. Я впал в полнейшее отчаяние: вот он, дедушка, лежит совсем близко, а мне не велят подходить к нему! Я вопил. Топал ногами. Кидался на стены. Сбежавшиеся взрослые попытались вразумить меня.

– Это больше не дедушка...

– Стой тут...

– Не нужно подходить близко...

У мамы было перевернутое лицо, но расстроила ее не моя реакция, а то, что она заметила в «запретной комнате». А я перестал стенать и уцепился за ее руку – такую привычно утешительную, крепкую и надежную. Она бросила на меня изумленный взгляд. Моя реакция была для нее внове, а означала простую вещь: «Я позабочусь о тебе, мама...» Она вдруг поняла, ее пальцы дрогнули и расслабились в моей ладони.

– Поль, – сказала она моему отцу, – пусть мама и Флоранс едут на кладбище в твоей машине, а я отвезу Эрика.

– Уверена?

– Он будет меня сопровождать.

Формулировка мне польстила, и я кивнул отцу – мол, положись на меня.

Папа удивился, засомневался, несколько раз переспросил маму: «Ты уверена?» – и наконец подчинился.

Сначала мы с мамой ехали молча в ее стареньком «Рено-4», следуя за катафалком по крутым улицам. Мама вела нервно, дергала руль, ругалась на светофоры, ухабы, знаки «Стоп», манеру езды других водителей. В тот момент она ненавидела весь мир.

– Прости, что ревел, как девчонка, мама. Я не понимал, что не даю выплакаться тебе. Он ведь был твоим отцом и уж потом моим дедом. Я вел себя как эгоист, и мне стыдно.

Мама повернулась ко мне, и ее глаза наполнились слезами. Она сказала, сдерживая ярость:

– Ты имеешь право плакать, Эрик.

– Конечно, но ты же не плачешь.

– Если бы начала, не смогла бы остановиться.

– Понимаю.

– И потом... слезы не прогонят печаль.

Сорок лет спустя я пытаюсь следовать маминому совету, дотянуться до ее уровня: вытираю лицо, сморкаюсь и выбрасываю бумажные платки в урну.

Слезы не прогонят печаль.

* * *

Дни приходят и уходят. Без нее все они одинаковые.

* * *

Издательство «Альбен Мишель» спасло мне жизнь, назначив точную дату представления сборника. Позвонил мой литературный агент Пьер Сципион, произнес угрожающим тоном:

– У тебя осталось пять недель.

Я вешаю трубку, сердце колотится, горло пересохло, руки дрожат: я ни за что не сумею!

Сегодня я снова взялся за редактирование «Мести и прощения». К превеликому моему удивлению, получается хорошо. И – что самое удивительное – я прекрасно себя чувствую этим вечером.

* * *

Работа спасает.

Она всегда вытаскивала меня из трясины моих задвигов.

Никто не знает этого лучше Брюно – он наблюдает за мной уже тридцать лет.

Уж не он ли заставил Сципиона позвонить?

* * *

Я не одинок, когда пишу, потому что живу с персонажами моей истории.

Когда я пишу, не боюсь сбиться с пути, потому что иду по дороге, которую сам же и описываю.

Когда я пишу, не лавирую – подчиняюсь приказам книги.

Когда я пишу, затыкаю рот своему эго и весь превращаюсь во внимание к тому, чем сам не являюсь.

* * *

– Вы не получали известий от матери после ее смерти?

Я прикрываю глаза и застываю, чтобы скрыть досаду.

– Нет.

– А моя присылает весточку. Хотите, расскажу?

Не дожидаясь ответа, собеседник повествует о сорвавшейся со стены картине, книге, открывшейся на нужной странице, любимой песне, вдруг зазвучавшей по радио. Он говорит и говорит, не догадываясь, что делает мне больно. Я перестаю слушать – ненавижу подобные откровения.

Честно говоря, я просто киплю от злости.

Мама не только ни разу не подала мне признаков своего присутствия, она не сочла нужным «просигнализировать» о своем уходе! На неделе, когда она умерла, я ничего не почувствовал и не понял.

Это обстоятельство почти так же страшно, как мамина смерть: я думал, что мы связаны теснее.

* * *

Какой-то мудрец сказал, что уверены мы можем быть лишь в неизбежности смерти.

Но я не знаю, из чего состоит смерть. И не хочу слушать ничьих объяснений, ибо одинаково боюсь того, кто сулит мне небытие, и того, кто сулит райское блаженство.

Получается, что уверен я в одной-единственной – неопределенной – вещи.

* * *

Истинная мудрость состоит в приручении неопределенности.

* * *

У меня есть вера.

Ни одно из убеждений не способно дать мне знание о потустороннем. Но я выращиваю веру. Веру в тайну нашего существования. Нашей жизни. И нашей смерти.

Жизнь была дивной неожиданностью, смерть будет чудной неожиданностью. В каком порядке? Понятия не имею!

Дидье Декуэн⁸ – он верующий, как и я, – спрашивает:

– Вера помогает тебе справиться с горем по матери?

– Ни на грамм.

– Мне тоже.

Мы долго молча смотрели друг другу в глаза, по-братски обнажив души. Тоска по любимому существу обречена терзать нас на этой земле.

* * *

В ее отсутствии столько присутствия!

* * *

В кабинете Даниэль протягивает мне вырезку из газеты. Статья называется «Скончалась мать драматурга Эрика-Эмманюэля Шмитта».

Я разваливаюсь на куски. Ее снова убили у меня на глазах.

Даниэль напуган моей реакцией. Он уговаривает:

– Прочти статью. Написана очень доброжелательно и сочувственно!

Я рыдаю, не решаясь выпустить наружу бьющуюся в клетке черепа детскую мысль: «Отдал бы всю свою известность, только бы она жила...»

* * *

Она всегда на расстоянии чувствовала, что мне плохо. Как и я. Мы притягивались. Беззвучно звали друг друга.

Я должен был почувствовать ее смерть!

Я не понимаю... Потеря зрения и слуха ставит под сомнение мою теорию нашей любви.

Неужели это была иллюзия?

⁸ Дидье Декуэн (р. 1945) – французский сценарист и писатель, удостоенный Гонкуровской премии в 1977 г.

* * *

После маминого ухода у меня разболелась правая нога, и я за несколько дней превратился в инвалида. Двигаюсь с трудом; перехожу из сидячего положения в стоячее с опаской и всеми возможными предосторожностями, а ночью ворочаюсь, безуспешно ищу наименее болезненную позу.

Мой врач Ален Г. назначает мне кучу анализов и тестов, посылает на консультацию к светилу и добавляет огорченно:

– После смерти матери ты просто не желаешь двигаться вперед!

Иногда усталость давит слишком сильно, и я не против, чтобы все остановилось. Не хочу, чтобы болела душа, не могу больше терпеть физическую боль.

* * *

Ни рентген, ни МРТ не выявили причину болей в колене.

Врач, рассматривающий снимки, советует обратиться к кинезитерапевту.

На сем моя медицинская кругосветка заканчивается: отец был кинезитерапевтом, так что к такому специалисту я точно не пойду.

Я хромаю, и мне плевать на окружающих.

* * *

Книга овладевает мною. Я потрясен: ничто не мешает творить – ни печаль, ни воспаление. Писание спасает.

Интересно, как спасаются «непишущие»?

* * *

Мне плохо сегодня утром. В чем дело? Придется покинуть три кокона – дом, работу, печаль – и отправиться в Лотарингию, чтобы сыграть моноспектакль «Мсье Ибрагим и цветы Корана». Где я возьму энергию, чтобы изобразить другого человека, если больше не обитаю в собственном теле? Как вдохнуть жизнь в героев, думая только о смерти?

Сажусь в поезд. Плечи опущены, ноги налились свинцом. Можно подумать, меня тащат на бойню...

Сцена – это театр чудес: прошлое становится настоящим, хромой перестает хромать, мертвый встает, чтобы поклониться, а я рассказал историю *Мсье Ибрагима* и сыграл всех персонажей, бегая из одной кулисы в другую. После первой реплики: «В тринадцать лет я разбил мою свинью-копилку и пошел к шлюхам», силы вернулись, колено «заморозилось». Силой магии подмостков мне было сорок, потом тринадцать, потом стало восемьдесят, как моим героям.

Публика благодарила меня стоя, и я ушел за кулисы совершенно счастливым. Там меня ждал подарок.

Шанталь, читательница из Нанси, с которой я уже двадцать лет веду дружескую переписку и время от времени встречаюсь, ждала меня в компании подруг (они помогают ей передвигаться на инвалидном кресле). Стоило мне увидеть ее благородное, открытое лицо, яркие смеющиеся глаза, и я ощутил блаженство. Шанталь излучает только нежные положительные вибрации, и про себя я называю эту женщину «мой ангел на костылях».

Мы поговорили, радуясь новой встрече и подпитываясь друг от друга энергией. Мне пора возвращаться в Брюссель. Я готов проститься, и тут Шанталь берет меня за руку:

– У меня для вас послание от вашей матери.

Я бледнею:

– Что вы сказали?

– Она попросила передать его вам после...

– Понятно...

Я вспоминаю, что мама не раз встречала Шанталь на генеральных репетициях моих пьес. У меня дрожат губы. Шанталь сильнее стискивает мне пальцы:

– Позаботьтесь о себе. Берегите себя. Не надрывайтесь на работе. Думайте о себе.

Я вздрагиваю. Это точные слова мамы. «Позаботься о себе». В конце каждого разговора она давала мне этот совет с оттенком упрека, беспокоясь о том, что я веду себя как «много-станочник», не отдыхаю, не езжу в отпуск и взваливаю на себя слишком большую ответственность за все.

Я спрашиваю у Шанталь, как спросил бы у мамы:

– У меня усталый вид?

Шанталь, в отличие от мамы, не отвечает – только смотрит с сочувствием и любовью, потом повторяет:

– Позаботьтесь о себе.

Я обнимаю ее и возвращаюсь в гримерку, где даю волю чувствам. Мама предвидела, что без нее я буду передвигаться по миру осторожно, как Мальчик-с-пальчик, что мне понадобятся «камешки», вот и оставила инструкции близким мне людям, чтобы сын не лишился ее любящего взгляда.

* * *

Книга скоро будет закончена, я берусь за последний рассказ «Нарисуй мне самолет».

Проглатываю завтрак, сажусь за стол и работаю десять часов кряду или даже дольше, а ночью редактирую написанное.

Я умею терпеть. На каждом этапе работа требует сильной страсти, и я ни перед чем не останавливаюсь, чтобы ее пробудить.

По вечерам чувствую себя выжатым досуха. Шатаюсь от усталости и с опаской думаю об очередном рабочем дне, но утром книга зовет меня, и появляются новые силы.

Жизнь творца – это жизнь в подчинении, творение жаждет родиться, и ты отдаешь ему все силы.

* * *

Сегодня я «полировал» первые три истории сборника «Мечь и прощение» и вдруг понял, что произошло в день маминого ухода!

Я уверен, что не ошибаюсь, потому что проверил расписание в ежедневнике и сообщения, которые около полуночи отправлял Жизель (по ним можно отследить весь день).

В тот вторник, когда бездыханная мама упала на пол в своей кухне, я был в Париже. Один. И писал.

Что именно? Продолжение истории «Мадемуазель Баттерфляй». Текст родился сам собой, можно сказать – навязался.

Дорогая мама,

возможно, я уже покину наш мир, когда ты получишь это письмо. У меня обнаружили очень серьезную почечную недостаточность – обеих почек. Я сам ничего не знал об этих органах, а теперь выяснил на собственном опыте, что они играют главную роль в нашем теле и, если они отказывают, наша жизнь кончается. Это правда, мама! Я слабею день ото дня... Мне не только трудно есть, но я и не хочу. Я жду. Чего? Не знаю. Пересадки, как предлагают врачи. Смерти, без сомнения. Каждый день папа проводит многие часы со мной, и по его тревожному лицу я вижу, что угасаю.

Мама, я просто хотел сказать, что люблю тебя. Я тебе обязан всем. Прежде всего – жизнью, потому что ты носила меня в себе, потом на руках, у груди, когда никто меня не хотел, – мне известно, что отец настаивал, чтобы ты сделала аборт, а дед считал меня позором. Потом – любовью; ты была само великодушие, преданность, улыбка, порыв. Даже согласие на то, чтобы я тебя покинул, которое разбило тебе сердце, ты дала по доброте, думая, что я должен стать «большим городским господином». Прости меня за этот отъезд. Прости, что я так редко приезжал. Прости, что я отдалился. Прости за то, что я из эгоизма не принимал твои ласки, поцелуи, нежность: я хотел быть сильным, независимым, свободным, как положено мальчикам. Если бы мне дали возможность продолжать жить или получить другую жизнь взамен, поверь, я бы постарался показать тебе мою любовь, которую выражал только в письмах, и дал бы твоей любви, такой крепкой, достойное продолжение в той, которую питал бы к своим детям, твоим внукам. Здесь, в больнице, я нахожусь убежище в воспоминаниях. Они приносят мне успокоение. Я представляю нас с тобой, рука в руке, бегущими по лугам, а рядом с нами Густ и Белянка, двое твоих друзей, еще более веселых, шальных и радостных, чем мы, и все четверо мы пьяны от счастья, что можно нестись во всю прыть, вдыхать пропитанный солнцем воздух и приветствовать весну. Как правы мы были, радуясь вроде бы пустяку. Потому что в этом пустяке заключалось главное. Вдыхать, выдыхать, ощущать, наслаждаться. Какая мудрость! Я общался со столькими важными людьми – финансистами, политиками, идеологами, учеными, но вдруг обнаружил, что именно тебе, Густу и Белянке обязан незаменимыми уроками. Удивляться жизни. Быть благодарным. Всеми силами будить в себе радость. Вы были моими лучшими учителями жизни, а то и философии, хотя я оказался не на высоте того, что вы мне преподали. Позже я немного заблудился в лабиринтах фальши, я пытался походить на печальных духом, тех, кто предпочитает уныние ликования, пессимизм оптимизму, смерть жизни. Когда я высказывал суждение мрачное, циничное, нигилистское или безнадежное, они мне аплодировали и награждали дипломом за прозорливость. Но в моем нынешнем состоянии, при моей слабости, все, чему они меня научили, обратилось в груды пыли, и я обретаю силы и свет, только думая о вас троих.

Густ... Белянка... Ты веришь, что там, наверху, мы встретим животных, которых любили? Я так на это надеюсь... А они, я уверен, сделали бы все возможное и невозможное, лишь бы снова меня увидеть, и преданно ждали бы годами, не боясь ни холода, ни неизвестности, ни одиночества, ни отчаяния, чтобы кинуться ко мне, уткнуться теплым носом, размахивая хвостом и жмуря глаза. И мы обнимались бы без конца. Если все так, то вечность – это будет здорово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.